

Вальтер Скотт

Сент-Ронанские воды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С44

С44 **Скотт В.**
Сент-Ронанские воды / Вальтер Скотт – М.: Книга по Требованию, 2012. –
350 с.

ISBN 978-5-4241-2885-1

Роман "Сент-Ронанские воды", публикуемый в этом томе, примыкает к жанру готического романа. Здесь налицо многие характерные для него сюжетные мотивы: тайна, разделяющая героя и героиню, их погубленная любовь, братья - соперники и в любви и по наследованию титула, трагический исход и гибель героини... Это единственный роман Скотта, написанный о времени, в которое жил сам автор.

ISBN 978-5-4241-2885-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Вальтер Скотт
Сент-Ронанские воды

*Встарь, говорят, здесь весело быва-
ло
Не то уж ныне — проклят этот
край.
Вордсворт*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман «Сент-Ронанские воды» обдумывался автором в течение лета 1823 года, был написан в ближайшие же месяцы и к концу года вышел из печати. Ему предшествовал «Квентин Дорвард», действие которого развивается во Франции XV века, и опубликованные ранее романы, опирающиеся, как правило, в своем сюжете на важные события из истории Англии. «Сент-Ронанские воды» обрывают этот ряд. Фабулу романа Вальтер Скотт освободил от связи с какими-либо известными историческими фактами, и это единственный роман Скотта, полностью ориентированный на живой материал современности. Содержание его по времени совпадает с годами молодости автора, по месту действия связано с ближайшими окрестностями его собственного имения. Биограф сообщает, что, разглядывая одну живописную деревушку, Вальтер Скотт в июле 1823 года говорил своим путникам по прогулке: «А что, если написать роман, героем которого был бы здешний житель, а действие не выходило бы за околицу деревни?.. Под крышами этих домишек, наверно, найдется достаточно материала и для трагедии и для комедии... Я думаю, что в этот самый миг там разыгрываются события поистине романтические надо только обработать их должным образом, и выйдет роман, который будет стоить всех наших вымышленных историй...»

Как бы в соответствии с таким планом действие «Сент-Ронанских вод» ограничено пределами самой узкой округи. Автор еще сужает жизненную сферу романа, вводя в него названия, взятые с карты местности, граничащей с Эбботсфордом. Имена действующих лиц иногда даже повторяют имена людей, реально существовавших. Так, владычицу Клейкемского подворья Вальтер Скотт назвал подлинным именем хозяйки одной деревенской гостиницы, где ему самому случалось останавливаться. Более того — в авторской речи мелькают ссылки на личных друзей Скотта, людей ничем не знаменитых, кроме коротких отношений с писателем. Все это придает новому произведению Скотта характер особой и интимной достоверности. Современники, читавшие его роман, охотно искали — и часто находили — среди персонажей «Сент-Ронанских вод» прототипы своих знакомых, а обитатели одного небольшого курорта в Шотландии, признав описание места действия романа за описание их собственного поселка, выражали желание переименовать свой источник и называть его отныне Сент-Ронанским.

Десятые и двадцатые годы в Англии отмечены чрезвычайным обострением классовой борьбы. Развитие машинной индустрии тяжело отзывалось на материальном положении рабочие и имело последствием жесточайшую эксплуатацию и безработицу. Ухудшались также и условия жизни для земледельческого пролетариата: помещики превращали свои владения в пастбища для овец и стоняли с земли арендаторов. Бедственное положение рабочего класса в Англии было в эти десятилетия частой темой книг и статей в европейской печати известен интерес к этому вопросу и в России, «о времени написания романа „Сент-Ронанские воды“ в Англии учащаются выступления батраков, фермеров и рабочих — разрушителей машин происходят мятежи во флоте и в армии, нередки кровавые столкновения с полицией. Правительство ссылало бунтовщиков на каторжные работы и не останавливалось перед смертными приговорами. Вальтер Скотт не раз отмечает в своих дневниках и письмах эти события, однако в романе о них

нет упоминания. Вальтер Скотт, который в исторических романах обычно прямо и непосредственно указывает на генеральные конфликты эпохи, в этом романе поступает иным образом. Смысл и содержание современных конфликтов не обладали для Скотта той определенностью и законченностью, которую он привык находить в историческом прошлом. В дневнике его есть запись о том, что ему „представляется труднейшим жанром... описание действительной жизни современного общества, оттенки которой столь неуловимы, что их очень трудно закрепить на полотне“. Не усматривая с достаточной ясностью, в чем состояли первопричины, следствия и результаты современных конфликтов, Вальтер Скотт давал им только косвенное выражение, издали подходил к важнейшим темам современности. На первых же страницах романа изображается запустение шотландской деревни по ходу развития фабулы часто появляются ее нищие обитатели, но автор обходит молчанием причины этих явлений. Подчеркнуто местный характер романа тоже указывает на желание писателя воздержаться от слишком широких социальных обобщений.

Роману свойственна антибуржуазная тенденция. Чистоган правит современным обществом, проникает его большие и малые дела и становится у Скотта как бы знаменем нового времени. Единственный мотив поведения, поглощающий все остальные для большинства действующих лиц, — это жажда денег. Стяжательство, стремление к богатству направляет действия графа Этерингтона, самого активного лица в романе. И хотя события романа разворачиваются в захолустье шотландской провинции, вдалеке от больших городов, а действующие лица взяты главным образом из помещичьей среды и дельцы, купцы и предприниматели почти не появляются на сцене, тем не менее и здесь деньги решают все. Их сила стала универсальной.

Одна из существенных тем Скотта — контраст между старой и новой Шотландией, говоря шире — контраст между патриархальной, старинной и новейшей буржуазной цивилизацией с ее техническими завоеваниями, с ее материальным прогрессом. В какой-то степени Старый городок Сент-Ронан — одна сторона этой коллизии, поселок у источника Сент-Ронанские воды — другая. Вальтер Скотт далек от прямолинейности консервативных романтиков, отметавших все новое во имя старинных укладов жизни. Но он не желает и превращаться в апологета буржуазности. Заметны его симпатии к иным чертам прошлого, однако оплакивать прошлое он предоставляет персонажам несколько комического свойства и в пользу прошлого не высказывается непосредственно, от собственного лица. Что же касается современности, то Скотту, так же как и другим писателям — его сверстникам, очень трудна была задача отделить прогресс современного общества от его буржуазных форм. Он не желает принимать эти формы, но он не желает и отказываться от прогресса. Интересно в этой связи одно высказывание Скотта в письме к Джоанне Бейли, его приятельнице. Скотт пишет ей по поводу железной дороги, прокладываемой неподалеку: «Я наблюдаю растущее могущество пара отчасти с гордостью, отчасти с печалью, отчасти досадуя и отчасти радуясь ему».

Как бы то ни было, Вальтер Скотт никогда не отказывается от сопоставлений старины и новизны. Важнее, чем та или иная эмоциональная оценка обеих сторон, сравнительная характеристика их. Вальтер Скотт как бы прибегает к сравнительно-историческому методу: современность познается глубже, когда рядом с нею

картины недавнего прошлого.

Как и в других романах Скотта, в этом тоже присутствует национальная тема. Она не подчеркнута, а только просвечивает здесь. В неприязненных речах местных жителей против приезжих англичан, как подпочва этой неприязни, звучит глухое недовольство шотландцев, потерявших свою национальную самостоятельность.

Особый предмет критики Скотта — «высший свет», светское общество, населяющее Сент-Ронанские воды. Критика эта настолько остра, что подчас переходит в настоящий памфлет. Карикатурный характер изображения светского общества, наряду с тем обстоятельством, что большинство отрицательно изображенных персонажей — англичане, вероятно, послужил основанием для резких нападок на роман и в Эдинбурге и в Лондоне. Вальтер Скотт, тори, консерватор по своим политическим убеждениям, в этом романе отнюдь не проявляет себя сторонником аристократии. Светское общество в изображении Скотта лишено серьезных интересов, погрязает в пустых развлечениях, занято интригами, сплетнями и пересудами. Здесь все поддельно — чувство и просвещение, титул и богатство. Любопытна полемика автора против светского кодекса чести, против дуэлянтства, распространенного в светской среде. В дуэлях он не усматривает ничего романтического, в противоположность многим своим современникам в континентальной Европе. Кстати, у Скотта был и личный повод нападать на обычной дуэли — один из его близких друзей погиб на поединке в том же году, когда писался роман.

Роман «Сент-Ронанские воды» в целом носит меланхолическую окраску. Её никак нельзя считать подсказанной какими-либо биографическими мотивами, так как в пору писания этого романа Скотт находился на вершине славы и успеха. К меланхолии располагало автора, очевидно, созерцание судеб современного ему общества, обремененного коллизиями, для которых он не предвидел безболезненного разрешения. По своей литературной традиции этот роман примыкает к жанру так называемого готического романа, имевшего в конце XVIII и начале XIX века чрезвычайное распространение. В «Сент-Ронанских водах» налицо многие сюжетные мотивы, характерные для этого жанра. Тайна, разделяющая героя и героиню, их погубленная любовь, братья — соперники в любви и соперники по наследованию титула, трагический исход и гибель героини — все это признаки готического романа. Но у Скотта готический роман перестает быть эмоциональным жанром, откинута мистика промысла, иррациональная психология и феодальный колорит. Роману присущи тот социальный анализ, тот интерес к современным нравам и быту, которые сближают его с произведениями английских реалистов восемнадцатого века и ведут к реалистам века девятнадцатого.

«Сент-Ронанские воды» оказали в свое время заметное влияние как на английскую, так и на общеевропейскую литературу. Появившись в конце 1823 года, роман в 1824 году уже вышел в Париже во французском переводе и не замедлил появиться в книжных лавках Петербурга и Москвы, где многие в то время спешили познакомиться «с романом новым Вальтер Скотта». Отклики на него заведительствованы у Пушкина, о нем писал — и оценивал его высоко — Белинский, его читали Достоевский и Тургенев. Исторические романы Скотта имели важнейшее значение не только в пределах исторического жанра. Они стали школой для европейских романистов, посвятивших себя изображению современ-

ной жизни. В «Сент-Ронанских водах» сам Вальтер Скотт показал пример перехода от романа исторического к роману, прямо обращенному к европейской современности.

ВВЕДЕНИЕ

В основе предлагаемого читателям романа лежит план, несхожий с планом произведений, уже опубликованных, хотя он представляется нам вполне оправданным для таких литературных произведений. *Celerare dometica facta* — вот, выражаясь кратко, задача романа. Автор ставит своей целью дать представление о неустойчивых нравах нашего времени и описывает сцены, подсказанные событиями, которые разыгрываются вокруг нас ежедневно, так что читатель с первого же взгляда может сверить копии с подлинниками. Надо признаться, автор обратился к этому виду романа скорее по той соблазнительной причине, что, позволяя избежать всем надоевших характеров и положений, такой роман представляет для него известную новизну, нежели потому, что сочинитель желал бы соревноваться с многочисленными и грозными соперниками, уже стяжавшими себе заслуженные почести на этом поприще. Своими талантливыми произведениями здесь особенно прославились дамы, по самой женской природе своей наделенные острой наблюдательностью и даром сатирического изображения. Можно было бы составить даже целый список таких сочинительниц, начиная от автора «Эвелины» и заключая автором «Супружества». Туда вошли бы имена столь блестящих и талантливых писательниц, как мисс Эджуорт, мисс Остин, мисс Чарлот Смит, а также еще многих других, чьи успехи способствовали закреплению этого вида романа почти исключительно за женщинами-писательницами. Поэтому автор не без робости принимался за литературный жанр, так удачно разрабатываемый последнее время. Однако это чувство должно было поневоле отступить перед необходимостью искать новизны, без чего могло бы возникнуть опасение, как бы повторные набеги автора в область литературы не наскучили наконец публике, столь долго проявлявшей к нему снисходительность.

Местом действия своей маленькой драмы из современной жизни автор избрал целебный источник их немало в обеих частях Британии, и в каждом таком месте имеется полная возможность поправлять свое здоровье или вести беззаботную жизнь. Ведь облегчение от недугов больному часто приносят не столько полезные свойства самой минеральной воды, сколько полная перемена уклада его каждодневной жизни. Он отрывается от своего грессбуха и счетных книг, от свода судебных постановлений, от актов и купчих крепостей, от конторки и полок с товарами, то есть ото всего, что дома является для него причиной постоянного беспокойства, лишает аппетита, мешает привычным прогулкам, портит пищеварение и вообще подтачивает жизнь. На воды тянется всякий, кто переезжает с места на место в тщетных попытках избавиться от надоевшего ему спутника — самого себя туда же являются дамы и джентльмены, движимые противоположным стремлением — поскорее зажить вдвоем.

На таких водах — что вполне естественно — общество придерживается гораздо более снисходительных правил, чем те, которыми руководится модный свет или замкнутые аристократические круги столицы. Если претензии на родовитость, знатный титул или богатство соответствуют целям и облику их носителя, они не подвергаются здесь придирчивой проверке, а вызванные самой обстановкой некоторая временная близость и короткость в отношениях не бывают долговечны: как бы далеко эти отношения ни зашли, вовсе не предполагается, что им

суждено пережить один сезон. Ни одна дружба не бывает столь пылкой и в конце концов столь проходящей, как дружба, завязанная при знакомстве на водах. Поэтому сочинитель, избравший для своего романа подобное место действия, предпринимает попытку показать такое общество, рассказывая о котором он может живописать самые противоположные нравы и сталкивать проясняющие друг друга забавные характеры с меньшим риском для правдоподобия, чем если бы он взялся описывать это пестрое сборище в каких-либо других условиях.

К тому же среди завсегдатаев минеральных вод часто встречаются не только смешные, но также опасные и отвратительные характеры. Лишенные нравственных устоев игроки, бессердечные авантюристы и вообще те, кто выискивает себе средства к существованию, потакая порокам и безрассудствам людей богатых и беспутных, те, кто хитростями и кознями умеют довести слабость до преступления, а опрометчивость — до губельного безумства, — все они непременно оказываются там, где обычно собираются их жертвы: так стервятники слетаются на поле кровавой битвы. Это чрезвычайно облегчает задачу романиста, особенно когда его рассказ доходит до мрачных и печальных эпизодов. Мошеники, шулера и обманщики, привыкшие вести беспутную жизнь на задворках общества и, подобно паразитам, благоденствовать за счет его испорченности, всегда гнездятся там, где они легко и словно невзначай встречают доверчивых людей, которые в другом месте могли бы избежать их тенет. Но, наряду с такими действительно опасными для общества злодеями, в шумной толпе модного курорта — к вящему удовольствию избранного круга и к изумлению и смущению менее искусственной публики — попадаются и «эксцентрические личности», как называют их наши журналы. Иногда и в самом деле помутившись рассудком, а чаще всего страдая излишним тщеславием, они стремятся привлечь к себе внимание какой-нибудь странностью в одежде или речи, в обхождении или разговоре, а подчас во всем этом сразу. Их кривлянье, подобно выходкам Дрокенсера, имеет целью доказать, что они никого не боятся, и, следует признать, в таком кривлянье чаще бывают повинны англичане, чем уроженцы двух других частей Соединенного королевства. Причина таится, вероятно, в том, что сознание своего благополучия и гордое чувство независимости, вообще присущее английской нации, у иных ее представителей бывает преувеличено до нелепости или по меньшей мере до странности. Напротив, сообразительный ирландец старается согласовать свое поведение с обычаями самого лучшего общества или общества, которое ему кажется таковым, а хитрый шотландец по самому складу своего характера не склонен без нужды привлекать к себе внимание окружающих. Бывают, впрочем, исключения из этого правила, и, вероятно, поэтому на курортах, куда съезжаются богатые бездельники и где каждый разрешает себе поступать так, как ему заблагорассудится, попадаются добровольные шуты всех национальностей. Впрочем, столь очевидные соображения едва ли необходимы для того, чтобы оправдать выбор романистом целебного источника в качестве места действия своего вымышленного повествования. Спору нет, держась в границах вероятного, трудно предположить, что где-нибудь еще существует такая смесь разнообразнейших характеров, какие всегда встречаются в толпе у любого целебного источника. Несомненно также, что при соединении вместе людей различного рода могут происходить и часто происходят события, весьма непохожие на события тихой повседневной жизни.

Однако недостаточно ведь, чтобы жила оказалась богатой и легко доступной надо, чтобы рудокоп, занятый разработкой ее, имел сам, как говорят в горном деле, точное представление о своем «поле» и обладал умением извлечь из него прибыль. В этом отношении автору «Сент-Ронанских вод» не слишком повезло. По укладу своей жизни ему — по крайней мере в последние годы — не часто случалось оказываться в центре особо важных и шумных событий не часто посещал он и общество, а только это и вырабатывает в наблюдателе умение «на лету подстрелить любую глупость». Потому, вероятно, и получилось, что характеры у него выписаны без той силы и точности, которые даются писателю, лишь когда он близко знаком со своим предметом. Автор все же удовлетворен хотя бы тем, что высказался здесь против карточной игры — воистину дьявольского порока, ибо в нем нет ничего, что служит оправданием для других пороков: игра целиком построена на голем расчете и хладнокровнейшем эгоизме. Характер путешественника, любящего соваться не в свое дело, самодовольного, раздражительного и «надоедного», как выражаются наши дамы, но при всем том щедрого и доброжелательного, отчасти списан с натуры. Фабула романа вполне современна и после всего сказанного едва ли нуждается в дополнительных разъяснениях, будь то в форме примечаний или в виде более развернутого предисловия.

Следует заметить, что английские критики (правда, не самые влиятельные) не раз нападали на «Сент-Ронанские воды» с превеликим шумом и гамом. Многие из их братии заявляли, что автор исчерпал себя, или, применяя технический термин, «исписался». И, так как на редкость долгая полоса удач слишком часто заставляет иных замечать и преувеличивать любой промах, когда он все-таки приключается, автора открыто упрекали в стихах и прозе, что, предприняв эту неудачную попытку, он совершил литературное самоубийство. Таким образом, одно время к югу от Твида мнение публики было не на стороне «Сент-Ронанских вод».

На родине сочинителя, однако, случилось иначе. Многие характеры были признаны подлинно шотландскими, и, несмотря на зловещие пророчества хулителей романа, счастье, сопутствовавшее до сих пор писаниям автора «Уэверли», не покинуло его после этого нового опыта, хотя и созданного в необычном для него стиле.

Эбботсфорд, 1 февраля 1832 года.

Глава 1. ХОЗЯЙКА СТАРОГО ПОДВОРЬЯ

*Мой сказ закончу живо:
Она варила пиво,
Торгуя им счастливо.
Скелтон*

Хотя едва ли какая из европейских стран шла такими быстрыми шагами по пути благосостояния и развития, как последние полвека шла Шотландия, совы султана Махмуда даже в эти счастливые времена все-таки нашли бы для себя в Каледонии немало деревень, лежавших в развалинах. По причине какого-нибудь бедствия или ради выгод нового местожительства обитатели старинных селений нередко бывали вынуждены перебираться с облюбованного прадедами и скорее безопасного, чем удобного, места на другое, где растущие промыслы и торговля могли бы развиваться свободнее. Потому-то иные поселения, известные в истории Шотландии и нанесенные Дэвидом Макферсоном на его превосходную историческую карту, теперь можно обнаружить среди вересковой пустоши лишь по окружавшим их когда-то деревьям, и в лучшем случае только несколько разбросанных там и сям развалин, которые легко принять за загоны для скота, указывают, что некогда и здесь жили люди.

Небольшое селение Сент-Ронан лет двадцать тому назад еще не дошло до того полного упадка, какой мы сейчас описывали, но все же быстро клонилось к нему. В расположении деревушки было нечто столь романтическое, что всякий путешественник, проезжая мимо, невольно хватался за рисовальный карандаш. Поэтому, рассказывая о ней, мы постараемся сделать Свое описание столь же выразительным, как иные из таких зарисовок. Однако по причинам, представляющим нам важными, мы воздержимся от точных указаний на местонахождение деревушки и заметим лишь, что она стояла по южную сторону Форта и не далее чем миль в тридцати от английской границы.

Большая река стремит свои воды по узкой долине, достигающей в ширину местами то двух миль, то едва четверти этого расстояния. Почва здесь наносная, тучная, и долина издавна разгорожена на участки, довольно густо заселена и обработана со всем искусством, доступным шотландскому земледелию. По обе стороны она ограничена грядой холмов, которые — особенно те из них, что тянутся справа, — пожалуй, можно было бы назвать горами. На холмах берут начало ручьи, и каждый, сбегая к реке, образует свою собственную лошину, пригодную для трудолюбивого земледельца. Вдоль по их течению кое-где высятся прекрасные раскидистые деревья, которых пока еще не достиг топор, и почти всюду по обе стороны ручьев пятнами и полосами виднеется подлесок, а над ним поднимаются обрывы, довольно безотрадные зимой, но летом рдеющие темным пурпуром вереска и сверкающие золотом раkitника и дрока. Такие пейзажи характерны для краев, которые, подобно Шотландии, изобилуют холмами и быстрыми потоками и где путешественнику подчас неожиданно открывается какой-нибудь укромный уголок, полный простой и дикой прелести, тем более пленяющей его сердце, что он мнит, будто она открылась ему первому и теперь принадлежит ему одному.